

Малеин А. И. Латинский церковный язык: [Перепеч. из: Богословский вестник. 1907. Т. 2. Июнь. С. 253–320 (2-я пагин.) с сокращениями и уточнениями] // Богословский вестник 2003. Т. 3. № 3. С. 194–223.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

А. И. МАЛЕИН

ЛАТИНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ЯЗЫК¹

Все толкователи Послания ап. Павла к Римлянам обращают внимание на тот — на первый взгляд весьма странный — факт, что святой апостол писал к римской христианской общине на греческом языке. Между тем, если приглядеться к составу тогдашнего христианского населения в Риме, то греческий язык послания станет вполне понятным. Подчинившись культурному влиянию Элады, Рим, естественно, должен был хорошо познакомиться с ее языком; мало того, — этот язык культурных победителей стал в высших кругах древнеримского общества таким же распространенным, каким в прежнее время у нас в России был язык французский. Уже историк Тацит жаловался на то, что римских детей с рождения поручали какой-нибудь греческой служанке, а сатирик Ювенал прямо называл Рим греческим городом. Если греческий язык был так распространен среди высших классов населения, то еще более — как язык международный — должен он был преобла-

¹ Данная публикация открывает серию статей из дореволюционного «Богословского вестника», которые либо сохраняют свою актуальность сегодня, либо показывают научный уровень отечественных ученых. Фрагмент статьи проф. А. И. Малеина (с дополнениями из исследования проф. А. И. Садова, см. ниже сноску 3) будет воспроизведен в «Хрестоматии по латинской христианской литературе со словарем», подготовленной преподавателем МДАиС иеромонахом Дионисием (Шленовым). Полный текст статьи см.: Малеин А. Латинский церковный язык // Богословский вестник (июнь 1907), т. 2. С. 253—320. Статья публикуется с орфографической и минимальной стилистической правкой.

дать в христианской общине, составленной первоначально из лиц неримского происхождения, незнатных и даже рабов. <...>

Что касается собственно латинской христианской литературы, то, — по свидетельству блж. Иеронима, — до Тертуллиана было всего два латинских христианских писателя. Но христианскую латынь надо начинать, конечно, не с них, а с рассмотрения переводов слова Божия, которое с древнейших времен проповедовалось на латинском языке не только во многих частях Италии, но также в Галлии, Испании и Африке. Переводы эти возникали, вероятно, так, как рассказывает блж. Августин: «В первые времена веры, как только попадал кому-нибудь в руки греческий кодекс, такой человек дерзал переводить, если ему казалось, что у него есть некоторая способность к тому и другому языку» (*doct. chr. 2, 11*). Так велики были тогда любовь к слову Божию и стремление запечатлеть в сердцах евангельские истины путем передачи их звуками родного языка! Когда именно впервые появились эти переводы, — неизвестно. Древнейшее свидетельство о них имеем мы в актах Сцилитанских мучеников, откуда явствует, что в 180 г. нашей эры в Африке существовал латинский перевод Евангелия и Посланий ап. Павла². <...> Уже в начале третьего века Тертуллиан упоминает (*adv. Marc. 2, 9*) о «некоторых, переводящих с греческого», а в следующем столетии блж. Августин говорит о «беспредельном разнообразии латинских переводчиков» (*doct. chr. 2, 11*); причем это обилие переводчиков заставляет учителя Церкви воскликнуть в том же сочинении несколько гиперболически: «Тех, которые переводили с еврейского на греческий, можно считать, а латинских переводчиков нельзя никоим образом». Все эти переводы часто, особенно в прежнее время, объединялись под общим именем Италы (*Italia*). Термин этот взят из одного места уже неоднократно цитованного трактата блж. Августина «О христианском учении», где читаем: «Из этих переводов должен быть

² См.: Болотов В. В. К вопросу об Acta Martyrum Scilitanorum // Христианское чтение (июнь 1903). С. 882—894.

предпочтен другим Италийский (*Itala*), ибо с очевидностью смысла соединяет он и более дословную передачу» (*doct. chr. 2, 15*). <...>

Первоначальные переводы Библии одинаково, весьма важны как для богослова, так и для филолога. Первый имеет в них в огромном большинстве случаев надежное средство для восстановления в древнейшем виде греческого текста александрийцев (Септуагинты), рукописи которого, по большей части, не восходят раньше четвертого или пятого века, тогда как латинские цитаты Библии, встречающиеся у церковных писателей третьего века, дают, хотя и в переводе, но во всяком случае более древний текст, чем в сохранившихся рукописях труда семидесяти толковников. Затем, переводы важны и для церковной истории, потому что при своей классификации помогают иногда восстановить взаимоотношение между отдельными Церквями. Для филолога переводы представляют большое значение со стороны языка. Так как в данном случае нас может интересовать только эта последняя сторона, то остановимся на ней несколько подробнее.

Слово Божие впервые переведено было по-латыни не тем изящным литературным языком, на котором говорили образованные и ученые люди тогдашнего латинского мира, а наоборот, языком простым, так называемым вульгарным, обыденным и деревенским (*lingua vulgaris, cotidiana, rustica*). Язык этот встречается в литературе очень редко и притом только в таких памятниках ее, которые по своему содержанию могли быть написаны обычной разговорной речью; таковы, прежде всего, комедии Плавта (254—184 гг. до Р. Х.) и сатирический роман Петрония (первый век до Р. Х.), а затем сочинения по сельскому хозяйству и письма. Даже язык Цицерона в его письмах сильно разнится от прочих его сочинений.

Этот вульгарный язык не был распространен в Риме, который щеголял особенно изящною латинскою речью, называемой по имени столицы (*urbs*) *sermo urbanus*. Но он особенно процветал в менее культурных провинциях, где на нем говорили низшие чинов-

ники, солдаты и купцы, являвшиеся главными деятелями романизации. Таким образом, древнейшие переводы, или так называемая *Itala*, существенным образом расширяют наши сведения о простонародном латинском языке. Но, помимо того, язык Италии важен и в других отношениях, а именно здесь можно встретить:

- 1) значительное количество неологизмов и образование новых форм слов и конструкций;
- 2) расширение, по аналогии, значения уже существовавших в языке выражений;
- 3) сохранение многих речений, которые уже прекратили свое существование в литературном языке.

Наконец, если принять во внимание тот общеизвестный факт, что из латинской простонародной речи возникли так называемые языки романские, т. е. итальянский, испанский, португальский, провансальский, французский и румынский, то язык Италии весьма важен и в том отношении, что помогает нам лучше уразуметь грамматическое строение этих языков. <...>

Несмотря на возможную близость к оригиналу, которую соблюдали древнейшие переводчики слова Божия, переводы эти все же с течением времени стали сильно различаться друг от друга. Причин этому было главным образом две:

- 1) разнообразие переводчиков, которые действовали в различных провинциях обширной Римской империи, и
- 2) неизбежные ошибки при списывании кодексов.

Это различие переводных версий достигло особенно значительных размеров ко второй половине IV в., когда, — по несколько преувеличенному выражению блж. Иеронима, — каждый список представлял отдельный извод (*cum apud latinos tot sint exemplaria, quot codices. Hier. praef. in Ios. PL 28, 463A*). Папа Дамас I (366—384 гг.) обратил внимание на это обстоятельство, вносящее немалые смуты в Церковь, и искал содействия в этом отношении у знаменитого учителя Церкви, блж. Иеронима Стридонского.

Тот быстро принялся за работу, по-видимому, не терпевшую

никакого отлагательства, и в 383 г. представил папе пересмотренный, на основании существующих списков Италии, перевод четырех Евангелий. В том же году блж. Иероним вручил папе исправленный текст Псалтири, а вероятно, также и остальную часть Нового Завета. Названный перевод Псалтири, впрочем, не вошел в общий труд блж. Иеронима, потом (с XIII века у Роджера Бэкона) получивший, в силу его общераспространенности, название Вульгаты (*Vulgata*), хотя и доселе применяется при богослужении в соборе св. Петра в Риме. По месту окончания работы он называется *Psalterium Romanum*.

По смерти своего покровителя, папы Дамаса, Иероним, имевший в Риме много неприятностей, удалился оттуда на восток и в конце концов поселился в Вифлееме. Здесь он применил свои огромные лингвистические познания, еще более расширенные при помощи сношений с учеными раввинами, для пересмотра латинского текста и Ветхого Завета, причем в сомнительных местах перевода семидесяти толковников он обращался непосредственно к еврейскому оригиналу. Прежде всего Иероним приступил к вторичному пересмотру Псалтири, так как первая рецензия ее была сделана им наскоро. Эта вторая рецензия называется *Psalterium Gallicanum*, потому что впервые вошла в употребление в Галлии. Она же входит и в состав Вульгаты. Остальные тексты, над пересмотром которых трудился Иероним, потеряны, кроме книги Иова, но она не вошла в Вульгату.

Во время этой рецензии текста у Иеронима появилась мысль применить свои познания в еврейском языке для нового пересмотра существующих на этом языке ветхозаветных книг. Этой работе Иероним посвятил 15 лет (390—405 гг.). Не успел он ни пересмотреть текста, ни перевести заново следующих книг: Премудрости Соломоновой, Иисуса, сына Сирахова, пророка Варуха, послания Иеремии и двух книг Маккавейских, почему эти книги попали в Вульгату из Италии.

С этим кратким историческим очерком возникновения Вульгаты необходимо считаться при рассмотрении ее языка, так как, на

основании доселе сказанного, мы видим, что Вульгата распадается на три части, а именно,

1) оставленную нетронутой блж. Иеронимом Италу, куда входят только что перечисленные шесть книг Ветхого Завета,

2) пересмотренную Италу, содержащую весь Новый Завет и Псалтирь (*Psalterium Gallicanum*; см. выше), и

3) часть, переведенную блж. Иеронимом непосредственно с еврейского, т. е. все остальные книги Ветхого Завета, кроме указанных семи.

Эти части, естественно, разнятся между собою и по языку. Рассмотрение языка первой из них оставляем в стороне <...>. Во второй части, только пересмотренной блж. Иеронимом, главное внимание учителя Церкви, при общей спешности его работы, было обращено на устранение явных промахов прежних переводов, и стилистических исправлений им было сделано здесь весьма немного. Общий фон языка остался плебейский, что доказывается, напр., такими формами, как *partibor, metibor, vetati sunt*.

Следует заметить также, что по языку Новый Завет и Псалтирь иногда довольно значительно разнятся друг от друга, напр., обычная форма Псалтири есть *holocaustum*, а в Новом Завете встречаются взамен этого *holocaustoma* или *holocaustoma*; точно также только в Новом Завете встречается сочетание *invicem iterum* и только в Псалтири слова *susceptor, inops, incundus, dispereo* и т. д.

Понятно далее, что в языке второй части встречается много слов, общих с первой и не попадающихся в третьей; таковы, напр., прилагательные *corruptibilis, insensatus* (ср. франц. *insensé*) или глаголы *adaperio, defraudo, demorog*, вместо которых в третьей части встречаются несложные слова.

Обратимся теперь к характеристике языка третьей части. Конечно, и здесь трудно говорить о каком-нибудь единообразии, потому что, как видно уже из краткого исторического очерка возникновения Вульгаты, работа велась блж. Иеронимом далеко не одновременно. Не было в переводе также и особой равномерности.

Так, напр., известно, что быстрее всего перевел Иероним книги Товита и Юдифь. Работа над первой была закончена даже в один день, потому что столько времени оставался на помощь переводчику иудейский раввин, который устно перелагал Иерониму оригинал. Понятно отсюда, что язык этих книг представляет много сходства не только со второй, но даже и с первой частью, давая такие вульгарные слова, как *improperium*, или формы, как *sinceriter*.

Отрешаясь от этих и тому подобных частности, мы должны прежде всего поставить язык третьей части Вульгаты в связь с личностью самого переводчика. Иероним принадлежал к числу ученейших людей своего времени и был весьма начитан в языческой латинской литературе. Следы этой начитанности, соединенные с его колоссальной памятью, неизбежно должны были отразиться на его переводной работе. И действительно, мы встречаем здесь такие выражения, которые прямо напоминают фразы языческих писателей, напр., *Esth. 9, 4*, (*fama*) *per cunctorum ora volitabat* есть реминисценция эпиграммы языческого поэта Энния (239—169 г. до Р. Х.): «*volito vivos per ora virum*» (*varia 17*), или в той же книге (*Esth. 3, 2*): *vitam silentio transigentes* напоминает выражение известного историка Саллюстия: «*ne vitam silentio transeant*» (*Catilinae conjuratio 1, 1:2—3*).

Затем, ко времени Иеронима прошла та пора, когда слово Божие должно было обращаться исключительно к простому народу, так как новая вера завоевала себе огромное количество лиц и из образованных классов общества; поэтому новый переводчик Библии, подчиняясь литературным вкусам просвещенных читателей, должен был значительно изменить те плебейские обороты и выражения, которые преобладали ранее в языке священных книг. Конечно, вполне достигнуть этой цели было не под силу одному человеку, и потому стиль третьей части Вульгаты, смешанный из элементов антично-классического и народно-христианского, является верным отпечатком деятельности самого великого учителя Церкви, который всю свою жизнь стремился слить и примирить антично-языческое образование с христианством и современным

самому Иерониму общественным настроением. Вот несколько примеров, свидетельствующих о тщательности работы Иеронима над чистотой языка Вульгаты.

Особенно наглядным станет это стремление при сопоставлении *Лис. 2, 23*: *omne masculinum adaperiens vulvam* с *Ех. 34, 19*: *omne quod aperit vulvam generis masculini*, где Иероним намеренно вместо сложного *adaperiens* ставит единственно употребительный в классической латыни простой глагол *aperire*; точно также вместо вульгарных слов *sanctitudo* и *sanctimonia* он ставит классическое *sanctitas*, вместо вульгарного *munimen* — классическое *munimentum*, вместо *odibilis* — *odiosus* и т. д.

Стремление к чистоте языка заставляло, далее, Иеронима заменять иногда греческие слова, встречающиеся в первой и второй частях Вульгаты, латинскими; напр., вместо *cataclysmus* ставит он *inundatio* или *diluvium*, вместо *moechia* — *adulterium* или *stuprum*, вместо *thronus* — *solium* и т. д.

Церковный учитель хотел также по возможности ясно и правильно передать не только отдельные слова и фразы, но и логическую связь их между собою. Известно, что еврейский язык отличается значительной неподвижностью в синтаксическом отношении и крайней бедностью частиц, которая становится особенно заметной при сравнении его с языками древнеклассическими. Этот примитивный способ соединения фраз в оригинале, в общем очень близко подходивший к простонародному римскому языку, удержан был Италой. Но блж. Иероним, работая для образованных читателей, позволил себе в данном отношении значительно видоизменить детски наивный способ выражения еврейского оригинала путем применения многочисленных частиц, тонко оттеняющих как место отдельного слова в предложениях, так и соответствующее отношение этих последних между собою. Из таких частиц, встречающихся только в третьей части Вульгаты, отметим: *attamen*, *neque*, *neque non* — большей частью в соединении с *et*, *dumtaxat*, *penitus* (в соединении с отрицанием), *praesertim*, *denique*, *dudum*, *nimirum* и т. д.

Наконец, будучи хорошим стилистом и обладая значительным художественно литературным вкусом, блж. Иероним, естественно, должен был приложить старание и к тому, чтобы его перевод отличался, сообразно содержанию, известной торжественностью стиля. Одним из главных средств для достижения этого являлось сознательное применение так называемых архаизмов, многие из которых ко времени Иеронима уже совершенно вышли из употребления в обыденной речи. К числу таких слов относятся, напр., следующие: *orpidum* (город), глагол *farġ*, который по своему употреблению в торжественной, величавой речи, по-видимому, представлялся церковному учителю особенно пригодным для выражения возвышенного тона, напр., пророческих речей; *quaeso ut* — конструкция, которая представлялась устарелой уже во время Цицерона и употреблялась им только в высоком стиле; сочетание *ea tempestate* и т. п. Некоторые из этих слов носят вместе с тем поэтический колорит, напр., *artus* (в смысле *membra*), *caesaries*, *cuor*, *famula*, *fluentum* (всегда во множ. ч.), *libamen* и т. д.

Конечно, труд блж. Иеронима вошел в употребление не сразу, и при введении его в церковный обиход возникали иногда ожесточенные споры, поднимаемые защитниками Италы; также, напр., в одной христианской общине Африки верующие подняли целую бурю, услышав в книге пророка Ионы (*Ion. 4, 6.7.9.10*) вместо обычной тыквы (*cucurbita*) плющ (*hedera*), и епископ вынужден был в конце концов оставить тыкву. Последним из церковных писателей, пользовавшихся исключительно Италией, можно назвать св. Колумбана († 615 г.). <...>

Изучение языка Вульгаты весьма важно и по тому огромному влиянию, которое оказала она на христианских писателей, к рассмотрению которых теперь и обратимся.

Нетрудно догадаться, что главной заботой этих писателей при начале христианской литературы было отстоять свою веру от многочисленных нападков со стороны язычников или, другими словами, первоначальная христианская литература должна была принять характер апологетический.

Первым по времени явлением на этом поприще считают обыкновенно диалог «Октавий», написанный **Минуцием Феликсом** (немного ранее 200 г. по Р. Х.). Защита христианства изложена здесь в форме собеседования между представителями старой и новой веры. По имени защитника христианства, Октавия, назван и диалог. Автор стремится поразить язычество, так сказать, его собственным оружием и привлечь к христианству образованные классы общества. С этой целью он заимствует доказательства против политеизма у Цицерона и Сенеки; недаром с давних пор усматривают в фигуре Октавия большое сходство с главным действующим лицом в сочинении Цицерона «О природе богов» (*de natura deorum*), жрецом Аврелием Коттой. Вообще, Минуций прежде всего имел в виду показать, что христианство не является чем-то особенно новым и поражающим, что это, скорее, новая форма философии, чем религия. Поэтому догматическая часть отсутствует в сочинении почти совершенно. Способ аргументации повлиял и на язык сочинения. Среди господствовавшего тогда архаического стиля «Октавий» выгодно выделяется своим легким и изящным изложением, напоминающим лучших представителей латинской литературы золотого и серебряного века. В своем стремлении к изяществу изложения Минуций заходит так далеко, что становится неясным и неточным насчет многих истин христианской веры, для которых не находилось соответствующих выражений в языке язычников.

Полной противоположностью Минуцию Феликсу является пресвитер карфагенский **Квинт Септимий Флорент Тертуллиан**. Время жизни его точно неизвестно, — приблизительно между 160—230 гг.; в новейшее время некоторые авторитетные ученые, как, напр., Гарнак и Массебиё, считали, что Тертуллиан писал даже ранее Минуция Феликса. В своих многочисленных сочинениях, которые можно разделить по их содержанию на три отдела: апологетические, морально-парэнетические и догматико-полемические, Тертуллиан проявляет повсюду непримиримую ненависть к своим противникам. Перейдя под конец жизни в монтанизм, он

громил православную Церковь так же, как ранее язычников. Непримиимость Тертуллиана сказывается в том, что он порывает решительно всякую связь не только с языческой религией и государственностью, но и с их философией, литературой и искусством. В своем знаменитом изречении *credo, quia absurdum* он доходит до признания полной противоположности между верой и знанием. Любопытно, однако, что, желая убедить римлян, Тертуллиан все же говорит с ними, как языческий юрист (род его первоначальных занятий) и политик, а в своем знаменитом трактате «О греческом плаще» (*de pallio*) он, может быть, и бессознательно, — отдает дань тому риторическому языческому образованию, которое он так яростно преследовал.

Во всяком случае, апологетические и догматические труды Тертуллиана, из которых первые принадлежат к лучшим его творениям, доставили ему славу основателя западного христианского богословия. Но еще более велика заслуга Тертуллиана в том отношении, что он, по свидетельству многих авторитетнейших ученых, является создателем церковной латыни. Тертуллиан, пожалуй, более всякого другого латинского автора сумел передать в своем слогe выражение личных ощущений. Поэтому он обращается с языком с полным произволом и составляет массу неологизмов. В общем, стиль его отличается необыкновенной страстностью и возбужденностью; величая и серьезная важность соединяется здесь бок о бок с памфлетической живостью и напыщенной темнотой.

В силу этих качеств Тертуллиан является одним из самых трудных латинских писателей. По выражению французского филолога и историка Г. Буассье, этот писатель задает своему читателю ряд загадок, отгадывать которые тот приучается исподволь и не сряду, напр., чтобы выразить понятие «смотреть и не видеть», Тертуллиан говорит *homeris oculis spectare*; чтобы указать правильность складок четырехугольного плаща, он называет их *quadrata iustitia*; говоря о дереве, дающем шерсть, и раковинах, служащих для окраски тканей, Тертуллиан выражается: «мы сеем и ловим свою одежду». Весьма часто также Тертуллиан делает быстрые

скачки от одной мысли к другой, не указуя на это своему читателю никакой соединительной частицей.

Из других более частных особенностей Тертуллианова языка можно отметить частое употребление слов в необычном значении, напр., *armarium* (шкаф) в смысле *канон*, *proditor* (предатель) — в смысле *проявитель*, *erogare* (выдавать) — в смысле *умерщвлять*, *resignare* (распечатывать) — в смысле *насилловать*, *subscribere* (подписывать) — в смысле *признавать, соглашаться* и т. д.

Затем у Тертуллиана встречается много грецизмов, смелость употребления которых идет далее всех других писателей, напр., *coeperit <...> de Virginis exire* (τοῦ τῆς παρθένου ἐξίέναι) или *manifestus est labefactans fiduciam* (φανερὸς ἐστὶ σφάλλων). Некоторые из этих грецизмов объясняют нам формообразование романских языков, напр., *amare habeo* (φιλεῖν ἔχω) = *amer-ò, aimer-ai*, или известные уже из языка Италии конструкции *scio quod* (οἶδ' ὅτι) = *io so che, je sais que*.

Далее, переходные глаголы часто употребляются, как непереходные, напр., в трактате «О плаще» *explicare, producere, suspendere*. Смешиваются винительный и творительный падежи при предлоге *in*, напр., *tradidit eos in manibus diripientium, in uterum bestiae invenio*.

По своим стилистическим особенностям Тертуллиан является истым софистом. Из встречающихся у него фигур речи наиболее часто применяется им антитеза, при помощи которой он достигает иногда поразительного эффекта. Таково, напр., его рассуждение о том, что темница мучеников является их настоящею свободой.

Все крайние излишества и резкости Тертуллианова стиля являются в значительной мере сглаженными у его младшего современника, епископа карфагенского, **Фасция Цецилия Киприана** (родился около начала III века, обезглавлен по приказу императора Валентиниана в 257 или 258 г.). Св. Киприан вырос в язычестве и долгое время, до принятия христианства (в 246 г.), преподавал риторику в Карфагене, а впоследствии там же был епископом. Из

сочинений его особого упоминания заслуживают два: «О единстве Церкви» (*de catholicae Ecclesiae unitate*), где впервые систематизируется более ранний материал о сущности и характере Церкви, и «К Донату» (*ad Donatum*) — мастерски написанная культурная картина все более и более усиливающегося нравственного падения римского общества. С точки зрения культуры важна также многочисленная переписка Киприана.

Язык и стиль его являются точным отражением его мягкой, чувствительной души и солидного риторического образования. Выражение мысли в общем отличается благородством, часто поэтической изобразительностью, равно как симметричностью и ритмичной.

Эти качества, а также некоторая расплывчатость изложения делают образы Киприана далеко не такими ясными и рельефными, как энергичные и резкие штрихи Тертуллиана. Понятно далее, что такой писатель, как Киприан, не мог быть особым новатором языка. При своей склонности к отвлеченному мышлению он охотно образовывал для означения новых христианских понятий несколько абстрактных существительных на *-tio*, а при стремлении к большей простоте языка, из десяти вновь созданных им глаголов девять оканчиваются на *-age*.

При ближайшем рассмотрении стиля св. Киприана сразу вспоминается то обстоятельство, что он долгое время был преподавателем риторики. Стремясь к большей закругленности выражения, желая получить аллитерацию, рифму, а особенно любимую клаузулу, Киприан иногда жертвует наклоением, ставя сослагательное вместо изъявительного, сравнительную степень вместо положительной, сложное *quicquid* вместо простого *qui*, составной или фреквентативный глагол вместо простого и т. п.

Особенно тщательной отделкой отличается трактат «К Донату» (*ad Donatum*), который вместе с тем на каждом шагу представляет реминисценции из богатой начитанности карфагенского епископа в языческих авторах. Во всяком случае, судя по языку некоторых из корреспондентов, письма которых сохранились сре-

ди переписки Киприана, видно, как изящна и правильна в общем была его речь.

[<...> **Новациан**, современник Киприана, выдвинулся из среды римского клира. В период своего образования он, видимо, прошел основательную философскую и риторическую школу. В области христианской литературы он усердно изучал Тертуллиана, почему Иероним, не без сильного, конечно, преувеличения, назвал даже труд Новациана «О Троице» (*de Trinitate*) своего рода сокращением (*epitome*) Тертуллианова сочинения против Праксея, хотя в действительности Новациан, при пользовании Тертуллиановым трудом *Adversus Praxeam*, вполне сохранил авторскую самостоятельность. Литературно образованный человек, он обнаруживает следы чтения римских классических писателей: Лукреция, Цицерона, Вергилия, Сенеки, также, быть может, Плиния и Светония. Он следовал древним классикам и в применении ритма, на себе самом ясно показывая, что традиции классической ритмики в христианской литературе продолжали держаться.

Новациан прошел хорошую школу по части стилистики и риторики. Нужно принять во внимание частое употребление им анафоры, ритмические вопросы и нагромождение или варьирование синонимов. Ритм наблюдается даже в библейских цитатах, притом (обстоятельство характерное) в тех местах, в которых, как полагают, автор отступает от текста древнего перевода, и отступает именно вследствие своей склонности к ритму.

В синтаксических сочетаниях, как и естественно для той поры, встречается нечто не совсем обычное для латинской речи. Попадает винительный падеж там, где ожидается творительный: *in pativitate* в *Trin. 21* и др. В словаре Новациана есть интересные частности. Напр., *inventio* в *Trin. 1* имеет значение отыскания, о котором говорил Спаситель в доме Закхея. Выражение *sermone* в *De cibis* («*decem sermone illi in tabulis*») о заповедях десятилетия представляет речение, взятое, по-видимому, из юридического языка. Термин *competens*, примененный к жаждущему крещения, обозначающий промежуточную ступень между *catechume-*

pos и fidelis, представляет, по-видимому, древнейший пример такого употребления. <...>³

Отнюдь не ценное ни с точки зрения христианства, ни с точки зрения языка приобретение для новой веры представляет следующий по времени за св. Киприаном (около 295 г.) писатель **Арнобий**, также африканец. Его апологетический трактат «Семь книг против народов» (*adversus nationes*, или, по Иерониму, *adversus gentes, libri VII*) не представляет никакого интереса для богослова, потому что, судя по всему, Арнобий был плохим христианином. Он почти совершенно не знает Нового Завета и вовсе не знаком с Ветхим, признает смертную природу души и т. д. Но для филологии и истории культуры трактат Арнобия далеко не мало важен, так как он сообщает в своей полемике много ценного мифологического материала и впервые вносит в христианство элементы неоплатонизма, обильно развитые потом блж. Августином.

Арнобий до обращения в христианство был также учителем риторики, но, наряду с обилием риторических фигур, трактат его написан в высшей степени задорным, аффектированным и памфлетическим стилем, мало подходящим для религии мира и любви. Поэтому последующие писатели или замалчивают Арнобия (Лактанций), или резко осуждают его (Иероним).

Неприятное впечатление, произведенное трактатом Арнобия, совершенно загладил ученик его по риторской школе **Лактанций** († около 325 г.). Место рождения его точно не известно, но, судя потому, что он был учеником Арнобия, можно предполагать, что он происходил также из Африки, откуда, по приглашению императора Диоклетиана, переселился в Никомидию (в Вифинии) для распространения латинского образования между тамошними жителями; в Вифинии же он познал истинного Бога. В глубокой старости Лактанций получил место воспитателя цезаря Криспа, сына

³ Ср.: Садов А. Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века). Опыт исторического и систематического обзора языка древних западных христиан-латинян. Пг., 1917. С. 366—371 (далее: Садов 1917).

Константина Великого. Перейдя в христианство из среды образованного язычества, Лактанций пожелал помочь своим прежним собратьям усвоить истинную веру. С этой целью он, подобно Минуцию Феликсу, стремится поразить язычество на его же собственной почве и пишет, в духе Цицерона и его стилем, свой знаменитый трактат *Divinarum institutionum libri VII* (7 книг введения в Божественное учение).

Главной задачей трактата было дать на латинском языке систему христианского мировоззрения. Не будучи богословом-специалистом, а скорее, — по остроумному выражению одного немецкого ученого, — лишь «беллетристом в богословии», Лактанций вполне правильно назвал свой труд только «введением» в христианство, так как в сущности догматисты имеют мало поводов ссылаться на него. Тем не менее значение его трактата весьма велико. Прежде всего, он в высшей степени привлекателен своим благородным и изящным языком, всецело навеянным Цицероном, так что блж. Иероним называет Лактанция «потоком Цицеронова красноречия» и «красноречивейшим писателем среди его современников», а в значительно последующее время Лактанций получил даже название «христианского Цицерона».

Неудивительно поэтому, что трактат его приобрел огромное влияние на много последующих поколений и способствовал в значительной мере выработке той части средневекового мирозерцания, которая враждебно относилась к точным наукам. В самом деле, Лактанций в своем трактате вытесняет, так сказать, науку Библией. Он с крайним пренебрежением относится к изучению природы и прямо говорит, что человек не может познать ее. Доказывает он это, между прочим, тем, что Бог скрыл от взора человека все, что происходит внутри его тела. «Значит, — прибавляет Лактанций, — Бог не хотел, чтобы человек исследовал вещи, которые ему не подобают». Конечно, этот церковный писатель не подозревал тех крайностей, к которым придет со временем подобное мировоззрение, осудившее на костер Джордано Бруно и подвергнувшее пытке Галилея.

Из мелких сочинений Лактанция особого внимания заслуживает одно, принадлежность которого этому автору, впрочем, остается под некоторым сомнением, именно: «О роде смерти преследователей» (*de mortibus persecutorum*). Это — первый опыт истории Церкви, — правда, очень тенденциозный, так как автор трактата пытается доказать, что все императоры, преследовавшие христиан до Ликиния, которому посвящено сочинение, погибли жестокой смертью.

О языке Лактанция, в виду неоднократно упоминавшегося сильного влияния на него Цицерона, распространяться излишне. Во всяком случае, и этому церковному писателю присуще стремление к образованию для своих целей христианских неологизмов, изменение значения слов, но в общем это заметно у него гораздо менее, чем у его предшественников, Тертуллиана и Киприана, значительно облегчивших его задачу.

С историко-культурной точки зрения сочинения Лактанция важны, наконец, и тем, что сохранили в цитатах некоторые не дошедшие до нас произведения Цицерона и Сенеки. Лактанций является последним видным писателем III в. нашей эры.

В самом начале следующего столетия христианская религия одерживает решительную победу над язычеством, и это торжество Церкви не могло не содействовать пышному расцвету христианской литературы как на Востоке, так и на Западе. В четвертом столетии была, как мы уже видели, снова переведена Библия, появились выдающиеся труды по богословию, философии, христианской этике, церковной и всеобщей истории. Даже философия истории нашла себе великого представителя в лице блж. Августина, знаменитое произведение которого «О граде Божием» принадлежит к выдающимся явлениям мировой литературы.

[Во-первых, нужно упомянуть **Мария Викторина**, обратившегося в христианство только в последние годы своей жизни (приблизительно в 355 г.). Между тем как труды этого видного ритора, заслужившего в свое время даже статую в Риме, ритора по грамматике, метрике и толкованию Цицерона, обратили на себя

довольно пристальное внимание филологов, его философско-богословские трактаты, из которых самый известный трактат «Против Ария» (*adversus Arium*), и толкования на послания ап. Павла. Ни теологи, ни даже исследователи философских течений в первые века христианства совсем почти не останавливались, особенно раньше, на этом римском мыслителе, который стремился примирить философствующую мысль с христианскими идеями, старался понять догматические споры времени, хотел построить систему научного богословия на философских основаниях и чрез то дать христианству спекулятивную основу против еретических учений. <...>

Одна из главных причин неясности языка Викторина заключалась в том, что, сближая христианство с неоплатонизмом, он внес в свое изложение неоплатоническую диалектику, которая и сама по себе невразумительна, а для выражения своих мыслей прибегал к искусственным приемам, привитым школой. У него встречаются совершенно необычные словообразования и описания понятий. Напр.: *counitio*, *elucesctntia*, *essentitas*, *existentialitas*, *innativitas*, *intelligentitas*, *intelligentialitas*, *limitamentum*, *miraculum* = *miratio* и др. <...> Лексикон Викторина вообще любопытен, как и словарь арианина Кандида, которого он опровергал. <...> В латинской речи нередко удерживаются им греческие выражения. <...>⁴

Следующим латинским писателем этого периода является **св. Амвросий, епископ Медиолаанский (Милаанский)**. Отличаясь высокими умственными и нравственными качествами, Амвросий был по своей природе скорее практиком, чем теоретиком, так что деятельность его принадлежит гораздо более истории Церкви, чем истории литературы. В общем, Амвросий писал много, но огромное большинство его прозаических творений выросло из проповедей и явилось, таким образом, продиктованным духом времени. Правда, мы имеем восторженный отзыв об этих проповедях, принадлежащий не кому иному, как блж. Августину, но, перечи-

⁴ Ср.: Садов 1917. С. 424—427.

тывая эти литературные памятники теперь, должны признать, что главное обаяние указанных произведений лежало, очевидно, не в них самих, а в личности произносившего их.

В своих богословских трактатах Амвросий стоит в сильной зависимости от восточных отцов Церкви, особенно св. Василия Великого, а при истолковании слова Божия сильно пользуется аллегорией. В последующее время из трактатов Амвросия особенно усердно читали «Об обязанностях священнослужителей» (*de officiis ministrorum*), где автор впервые пытался дать систему общей христианской этики. Образцом для Амвросия служило известное сочинение Цицерона *De officiis*, но христианский писатель заменил языческие примеры из римской истории примерами из Ветхого Завета и позаботился о том, чтобы тщательно подкрепить свои философские положения цитатами из Священного Писания. Кроме данного случая заимствования у Цицерона, Амвросий и в других сочинениях охотно пользовался поэтическими образами и философскими мыслями из языческой литературы, оправдывая себя тем, что языческие писатели заимствовали много у Моисея и пророков.

Стиль Амвросия, в общем, отличается возвышенностью (*grande dicendi genus*, как отзывается о нем блж. Августин), но нередко при кипучей деятельности епископа ему приходилось обращать мало внимания на отделку своих творений, и тогда изложение его становится довольно расплывчатым. Проповеди отличаются значительной манерностью и стремлением к возможной закругленности выражения.

О поэтической деятельности св. Амвросия нужно сказать следующее. Он был первым, кто внес гимны в обиход церковных служб. Вместе с тем он и сам составил несколько подобных песнопений. Причины, побудившие его решиться на такое нововведение, чисто практические. Именно, Амвросий усмотрел, что ариане с успехом применяли общественное пение при своих богослужениях и таким образом популяризировали и распространяли свое учение. Для противодействия еретикам Амвросий и ввел гимны в

обиход церковных служб. Блж. Августин свидетельствует, что Амвросий составил четыре гимна, изыскания ученых показывают, что число это может быть несколько увеличено, но во всяком случае Амвросию не принадлежит знаменитая церковная песнь «Тебе, Бога, хвалим» (*Te Deum laudamus*), хотя она обыкновенно ему приписывается (ныне этот гимн многими усваивается епископу Ремезианскому Никите († 431 г.)). <...>

Несомненно принадлежащие Амвросию четыре гимна все написаны ямбическими диметрами, соединенными в четыре строфы, и имеют каждый по 32 стиха. Этот ямбический диметр во время Амвросия был в литературе размером модным и соблюдался епископом с необыкновенною тщательностью. Закон количества слогов сохранен повсюду, и спондеи допущены только на нечетных местах; «зияние» везде избегается. По содержанию более удачными гимнами признаются два первые, составленные на первый и второй часы. Отличительным качеством песнопений Амвросия являются прежде всего благородство мысли, простота и ясность, но им не хватает той нежной прелести, которою отличаются произведения позднейшей гимники. <...>

В числе прочих заслуг миланского епископа перед Церковью надо особенно отметить и то, что он привлек к ней такого высокодаровитого мужа, как **блж. Августин** (354—430 гг.). Огромное значение его литературной деятельности объясняется тем, что это был один из тех весьма немногих людей древности, который сумел соединить в своей личности лучшие стороны Греции и Рима: идеальное философское мирозерцание первой и энергически практическую конструктивную силу второго. Августина называют самым плодовитым из западных церковных писателей. В издании его сочинений, выпущенном в свет бенедиктинцами в конце XVII столетия, они занимают 11 томов в лист.

В настоящем случае я позволю себе остановиться особенно только на двух трактатах, которые невольно приходят на ум всякому образованному читателю при упоминании имени Августина, и вместе с тем, по своему непреходящему значению, не будут никогда

забыты в истории всемирной литературы. Это, конечно, «Исповедь» и «О граде Божием».

Первый трактат (*confessionum libri XIII*) изображает нам внутреннюю духовную жизнь Августина, начиная с его раннего детства и кончая 33 годами жизни, когда он отказался от всего того, что ему доселе было дорого, и перешел в христианство. Книга эта прежде всего привлекала и привлекает читателей всех времен своею откровенностью и чистосердечием. Недаром автор назвал ее «Исповедью»: она и написана в форме исповеди пред Богом, которому блж. Августин открывает все самые сокровенные тайники своей души. Как известно, жизнь этого церковного писателя была далеко не заурядной; до обращения в христианство его страстной, кипучей и энергичной натуре пришлось много переиспытать, много передумать и перечувствовать. Эти драматические моменты изложены с такой живостью и увлекательностью, что при чтении «Исповеди» даже и в настоящее время возникает такое чувство, как будто это не сочинение, написанное 1500 лет тому назад, а современное произведение. Недаром Петрарка, которого отнюдь нельзя упрекнуть в особом пристрастии к христианским авторам, неоднократно проливал слезы над «Исповедью» и подражал ей. Припомним также известные «Confessions» Ж.-Ж. Руссо, напоминающие Августина уже самым заглавием.

Это, так сказать, общечеловеческое значение «Исповеди», но она важна также и как культурно исторический источник. На примере блж. Августина мы можем наглядно созерцать языческое и христианское мировоззрение современной ему эпохи; знакомимся с теми влияниями, которые оказывали на образованных людей того времени манихейская ересь, являющаяся отзвуком восточного гностицизма, и языческая философия. Конечно, «Исповедь» не лишена и недостатков. Так, откровенно исповедуясь Богу и вместе с тем издавая эту «Исповедь» для назидания публики, автор указывает этим, что ему не чуждо столь далекое от истинного христианства чувство известного рода тщеславия и самодовольства. Затем, чтение «Исповеди» сильно затрудняется ее крайне изыскан-

ным языком, дающим возможность признать в блж. Августине прежнего учителя риторики.

Основная идея трактата «О граде Божием» (*de civitate Dei*), в общем, напоминает главную мысль «Исповеди». Если в этом последнем произведении указывается на благое действие провидения в отношении к отдельной личности, направляющее ее от зла к добру, то в сочинении «О граде Божием» идея мудрого руководства Промысла Божественного переносится на все человечество в его историческом развитии. Эта общая точка зрения, с которой рассматривается как падение Римской империи и античной культуры вообще, так и принципы и цели христианства, дала повод еще Вольтеру назвать этот трактат историко-философским. Другие более правильно признают сочинение богословско-историческим. Во всяком случае значение идеи христианства представлено в трактате столь широко и универсально, как никогда еще доселе, а это в свою очередь не может не свидетельствовать не только о выдающемся уме и начитанности автора, но и об его мощной и вдохновенной фантазии и гениальной способности к обобщениям.

Трактат составлялся 14 лет (413—426 г.) и вырос собственно на апологетико-полемической основе. Именно, когда готы, под предводительством Алариха, напали в 410 г. на Рим и разграбили его, то это дало повод приверженцам прежнего культа приписать разрушение вечного города гневу языческих богов, которые были тогда почти всеми покинуты. Августин отвечает на эти обвинения в первых 10 книгах, из которых пять первых обращены к большой публике (*imperiti*), а пять вторых — к философам-неоплатоникам, доктрины которых тогда процветали, и которые не разделяли многих предрассудков толпы. Эта часть трактата важна с точки зрения истории культуры потому, что содержит драгоценные сведения об языческой религии, почерпнутые из надежных и ныне по большей части утраченных первоисточников. Что касается специально полемического характера труда, то здесь блж. Августин является достойным завершителем апологетической литературы. Помимо убедительности, его возражения отличаются благород-

ством тона и уважением к славному прошлому Рима. Во многих местах чувствуется, как то, что автор опровергает, некогда было ему дорого.

Вторая большая часть (книги 11—22) содержит параллель греховного земного царства и возвышенного Царства Небесного. Борьба между ними, замечаемая в истории, должна окончиться полной победой Небесного Царства Божия, по имени которого назван и весь трактат. <...>

Стиль трактата «О граде Божиим» гораздо яснее и проще, чем в «Исповеди». Но, кажется, для характеристики языка блж. Августина следует прежде всего обратиться не к его большим трактатам, где он все же работал под влиянием языческих образцов, а к его проповедям, в которых ему приходилось иметь дело с самыми разнообразными темами, и где он должен был особенно заботиться о простоте и ясности изложения. Поэтому справедливо замечено, что стиль его проповедей есть одновременно стиль поэта, философа, ротора и грамматика. Изучение языка проповедей блж. Августина весьма важно и потому, что он одним из первых высказал (в своем трактате *De doctrina Christiana*) много весьма ценных и любопытных замечаний касательно теории христианской проповеди.

Конечно, от прежнего учителя риторики трудно ожидать особых отступлений в латинских склонениях. Что касается синтаксиса, то здесь картина несколько изменяется. Именно, мы замечаем в этой области много мелких отступлений от классического языка, каждое из них, — будь оно одно, — может быть, и осталось бы вполне незамеченным, но взятые вместе, они значительно меняют общий фон. Главной причиной этих отступлений служило, по видимому, стремление блж. Августина к большей ясности изложения, согласно его замечанию: «Пусть лучше нас порицают грамматика, чем не понимают народы» (*enarrationes in Psalmos 138, 20*).

Любопытно, что огромное большинство этих синтаксических отступлений осталось навсегда в романских языках. Так, весьма

часто встречается в проповедях замена сослагательного наклонения изъявительным. Первое служило в сущности только для большей утонченности мысли и, часто не являясь безусловной необходимостью, значительно сократило случаи своего употребления в новейших языках (особенно — в английском). К области синтаксических неправильностей относятся, далее, смешение значения imperf. с plqf.; ошибки против учения о последовательности времен (*consecutio temporum*); частое употребление простого неопределенного наклонения и вообще инфинитивных конструкций вместо придаточных предложений цели, каковое употребление опять было легко воспринято романскими языками и т. п.

В употреблении падежей и предлогов язык блж. Августина нередко сходится с современным французским, напр., *osculum pacis* (*baizer de la paix*, целование мира, т. е. приносящее мир или в значение, в запечатление мира); предлог *ad* совпадает иногда с французским *à*, напр., *adtende ad cor tuum* (*à ton coeur*); *de* имеет иногда разделительный смысл, напр., *unus erat de septem diaconibus* (*de sept diacres*); *per* начинает приобретать то значение, которое он имеет в романских языках, напр., *loquens per linguam* (*par la langue*); влиянием еврейского языка, охотно ставящего существительные вместо наречий, следует объяснять такие фразы, как *hoc angelicum gaudium <...> fide et spe et caritate meditemur*.

Что касается стиля блж. Августина, то наиболее отличительным, кажется, качеством его является изысканность, охотно позволяющая признать в нем прежнего учителя риторики. Она проявляется прежде всего в игре слов, большей частью довольно остроумной, напр., *distulit securim, dedit securitatem*; *habens in Deo sanctos amores et ideo bonos mores*; *cetera onerant, non honorant*. Затем, нередко заметно у блж. Августина стремление произвести эффект, так сказать, игрою звуков, что достигается или повторением одного и того же слова, или однозвучием, или аллитерацией, или рифмой. Напр., в *serm. 94, 3* на протяжении 10 печатных строк настоящей статьи, 25 раз повторено слово *forte*; сюда же относятся такие фразы, как (*serm. 285, 3*) *tenebantur, ligabantur, includebantur, producebantur,*

torquebantur, urebantur, lapidabantur, percutiebantur, bestiis subigebantur или строго симметричный рифмующий период (*serm.* 219, начало): *Vigilat iste, mentibus piis fervens et lucescens; vigilat ille, dentibus suis frendens et tabescens* и т. д.

Из фигур речи наиболее часто встречаются у блж. Августина антитеза (противоположение) и метафора. Примеры для первой: *Qui? quem? Homines Deum, mortales immortalem, peccatores iustum, fragiles immobilem, factura fabrum* (*serm.* 34, 1); *Sidera regens, ubera lambens* (*serm.* 187, 1). Для второй: *augum, pallorem terrae; argentum, livorem terrae; honorem, temporis fumum* (*serm.* 19, 5); *minuta sunt (peccata), non sunt magna. Non est bestia quasi leo, ut uno morsu guttur frangat; sed et plerumque bestiae minutae multae necant* (*serm.* 9, 11); *praestate in vobis nidum sermoni* (*serm.* 37, 1); *stillam temporis* (*serm.* 462, 17). В ритмических заключениях периодов (клаузулах) Августин, по-видимому впервые, помимо количества слогов, принимает в расчет и ударение.

За 10 лет до Августина (30-го сентября 420 г.) скончался третий наиболее видный представитель золотого века латинской христианской литературы, блж. Иероним, родившийся, по всей вероятности, в конце сороковых годов третьего столетия. Иероним получил блестящее по тому времени образование в Риме под руководством известного грамматика Тиберия Элия Доната. Уже выше было сказано о громадной заслуге Иеронима пред Западной Церковью по переводу на латинский язык Библии. Следует заметить, что к этой гигантской работе, — помимо естественного желания потрудиться во славу Божию и на пользу Церкви, — Иероним был подвигнут отчасти и своим блестящим образованием. Он сам рассказывает (*ep.* 22, 1), что по принятии христианства, когда он со слезами оплакивал грехи своей юности, он все же по-прежнему искал развлечения и утешения в любимых языческих авторах, в Цицероне и Плавте, и напрасно старался принудить себя к чтению псалмов, «необработанный язык перевода которых казался ему ужасным». Тогда, вероятно, в душу Иеронима и должна была запасть первая мысль о такой переработке сло-

ва Божия, которая могла бы привлечь к нему людей образованных. Сделавшись впоследствии аскетом и основав монастырь в Вифлееме, Иероним едва ли не впервые устроил из своей обители убежище для занятий наукой и литературой. Этот факт имеет огромную важность в истории культуры, так как известно, что в смутные времена раннего средневековья образованность сохранилась почти исключительно потому, что нашла себе тихое и мирное пристанище за крепкими стенами монастырей.

Иероним был весьма плодовитым писателем, и многие из его произведений имеют значение не для одних только богословов. Таковы, прежде всего, письма, в которых ему приходилось высказываться по самым разнообразным вопросам. Затем в житии св. Павла Фивейского Иероним дал один из самых первых образчиков той отрасли литературы, которая нашла себе такое огромное распространение в средние века, именно — христианской легенды; далее в сочинении *De viris illustribus* блж. Иероним представил впервые историю христианской литературы в виде 135 кратких биографий, начиная с апостола Петра и кончая самим автором трактата. Наконец, этот учитель Церкви исполнил перевод хроники Евсевия и написал ее продолжение. Эти сочинения, высоко ценились в средние века и поныне являются во многих случаях единственным источником для многих фактов из политической и культурной истории древности. Что касается многочисленных экзегетических трудов этого учителя Церкви, то о них здесь можно заметить только то, что Иероним в значительной мере ослабил аллегорический способ толкования Священного Писания и пытался поставить герменевтику на научную почву путем исторических, археологических и лингвистических исследований.

Переходя к рассмотрению особенностей языка и стиля блж. Иеронима, прежде всего следует упомянуть о том, что он, в видах большей ясности своего изложения и по причине известного недостатка отвлеченных терминов в латинском языке, допустил значительное количество неологизмов. Согласно кропотливым изысканиям покойного дерптского ученого Паукера, количество

слов, вновь образованных Иеронимом, доходит до 350. Огромное число их падает на отглагольные существительные на -iо и на -tor. В образовании их блж. Иероним бессознательно подчинялся тому закону, следствия которого мы видим в романских языках, где каждый глагол способен дать начало существительному, означающему действие. Что касается остального лексикографического запаса Иеронима, то добрая половина его должна совпасть с языком Цицерона; такого наблюдения нельзя сделать не только касательно языка Тертуллиана, но даже и блж. Августина.

В области грамматики Иероним, по-видимому, знал все, что только можно было знать в его время; этими знаниями он подчас даже щеголяет, так как охотно пускается в рассуждения о роде, числе имен, о склонении и форме глаголов. Эти рассуждения изобличают в нем усердного ученика Доната, на которого он любил ссылаться и пребыванием в школе которого гордился. Синтаксис блж. Иеронима аналогичен тому, который встречаем мы у писателей первого века империи, т. е. периода так называемой серебряной латыни. Этот синтаксис отличается гораздо большей свободой сравнительно с Цицероном, так как допускает и поэтические конструкции, и греческие обороты.

Кроме того, в синтаксис Иеронима попало кое-что и из вульгарной латыни, согласно его замечанию: «Я хочу для легкости понимания читателя пользоваться простонародною речью» (ср. 64, 11). К числу таких оборотов принадлежат те явления, которые наблюдались нами раньше при рассмотрении языка Италы и Вульгаты, напр., более свободное употребление падежей, замена их предлогами, иногда радикальное изменение дополнения у некоторых глаголов, упрощение времен сослагательного и неопределенного наклонения, замена сослагательного наклонения изъявительным, смешение причастия настоящего с герундивом и т. д. Кроме того, в общем «синтетическая конструкция латинского языка уступает место конструкции аналитической, которая должна одержать верх в новейших языках, вышедших из простонародной

латыни» (Goelzer H. Étude lexicographique et grammaticale de la latinité de Sainte Jérôme. Paris, 1884. P. 32).

В стиле блж. Иеронима прежде всего выделяются краткость и, так сказать, поспешность, с которой он стремится набросать свои мысли. Затем очень часто он напоминает Тертуллиана по силе выражения, пламенному и блестящему красноречию. Наконец, получив великолепное риторическое образование, блж. Иероним естественно стремился украсить свой слог, особенно в молодости, разнообразными фигурами, остротами и игрою слов. Он сам признается, что охотно посещал трибуналы адвокатов и учился у них искусству речи, особенно уметь отвечать на возражения противников. Самому блж. Иерониму приходилось полемизировать неоднократно, и, надо сознаться, эти его произведения не принадлежат к числу особенно удачных, так как здесь проглядывают его раздражительность и вспыльчивость, иногда заходящие очень далеко. Поэтому, вероятно, Лютер и заметил как то раз в одной из своих «застольных речей», что из всех писателей церковных ни один не враждебен ему так, как Иероним.

И в средние века, когда от писателя требовали прежде всего учености, блж. Иерониму предпочитали блж. Августина, великого наставника в вере. Но понятно, что с пробуждением в эпоху Возрождения любви к изящному латинскому стилю значение Иеронима снова должно было подняться, и такой гуманист, как Эразм, ставил блж. Иеронима не только выше всех церковных писателей Запада, но в некоторых случаях отдавал ему даже первенство пред Цицероном. И в новое время охотно читают и переводят Иеронима, чему способствует, между прочим, и та откровенность, с которой он делится с читателями своими помышлениями и заставляет его переживать многие из своих тревог и сомнений, присущие всякой чуткой душе.

К перечисленным столпам Западной Церкви приближается по чистоте и выразительности своего стиля еще одно лицо, которое может быть упомянуто здесь же, хотя оно жило несколько позже. Я разумею папу **св. Льва Великого**, занимавшего римский пре-

стол между 440—461 г. Из проповедей его особенно знаменита 82-я, произнесенная в праздник свв. Апостолов Петра и Павла, где оратор торжественно изображает величие папского Рима, одним из истинных основателей которого был он сам. <...>

Заслуживает упоминания папа римский, **св. Григорий Великий, или Двоеслов** († 604 г.), знаменитый своими трудами в области литургики и церковного пения. Его считают обыкновенно последним из авторитетных учителей Церкви; вместе с тем, ни один папа не оставил столько сочинений, как Григорий. Литературная деятельность Григория носила более практический характер и важна главным образом по тому влиянию, какое имела она в средние века. Таковы его *Dialogi* (в некоторых кодексах к этому заглавию прибавлено дополнение: *De vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum* — «О жизни и чудесах италийских отцов и о вечности душ»). *Moralia* — толкование на книгу Иова, где Григорий в красноречивом изложении делится с читателем многими данными, вынесенными им из многолетней житейской опытности. Особенно же распространена была в средние века *Regula Pastoralis* — руководство пастырского богословия. Менее замечательны проповеди Григория, носящие след аллегорического толкования.

Хотя Григорий получил тщательное образование, он не заботился о красоте своего стиля, как в том признается в знаменитом тексте предисловия к «Моралиям», говоря: «Я пренебрег соблюдением искусства слова» (*mor., ep. ad Leandrum 5*). <...>

На Британских островах христианство появилось сперва в Ирландии, где ему положил начало в тридцатых годах V столетия св. Патрик; затем в 593 г., по почину папы св. Григория Великого, учение Христово было проповедано и среди англосаксов. И в той и в другой стране появилось много монастырей, а потом и некоторые даровитые писатели, преимущественно из лиц духовных. К числу таковых прежде всего относятся Альдгейм († 709 г.), первый поэт Англии, писавший на латинском языке, и особенно **Беда Достопочтенный** (*Beda Venerabilis*, † 735 г.), который составил

ЛАТИНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ЯЗЫК

широко распространенную в средние века «Историю английского народа», и много других богословских, научных и грамматических трактатов. Любопытно, что язык обоих из упомянутых писателей отличается обилием греческих слов и частым применением аллитерации (начального созвучия слов), — фигуры, составляющей национальную особенность языка англосаксов. <...>

С IX-го века латынь все более и более перестает быть достоянием народа, уступая местным языкам, и мало по малу становится языком, доступным только избранному обществу. Окончательно же низведена в степень мертвого языка латынь была только гуманистами, которые в своем стремлении к стилю и языку Цицерона забыли, что способ выражения, основанный исключительно на подражании античным авторам, не мог быть жизнеспособным в их время, и художественный стиль их явился таким образом могилой для исторического развития латинской речи. <...>

Став достоянием немногих, латинский язык, тем не менее, еще долгое время сохранял свое высокое значение, а в некоторых отношениях не утратил его и поныне.